

Идти по деревне вместе с Таншу-сенсеем было странно, правда, не так сильно, как это было раньше, когда он вел себя так, словно хотел придушить Ману собственными руками, но все же, довольно странно. Он был человеком совершенно спокойным и асоциальным, всегда выглядел сердитым и разочарованным во всем, ему все докучало, что находилось вокруг, поэтому выражение его лица ничего не выражало и с ним было сложно вести беседу о чем-либо. Мана была доброй девочкой и не теряла надежду...

— Ну... Могу я поинтересоваться, куда вы отправляетесь? Это какая-то миссия высокого ранга? — спросила она с некоторой обеспокоенностью в голосе, она ожидала Таншу грубо одернет ее, сказав, что это не ее дело или что-то в таком духе, однако он вздохнул и почесал затылок.

— Собрание Пяти Каге. Это насчет той ситуации с Деревней Скрытого Тумана, наших шиноби, что пропали у ее границ и также о засаде отряда, в котором был твой отец около наших границ. Ховоку ускорил процесс и созвал всех раньше - он попросит Совет Пяти Каге отстранить Мизукаге и заменить его приемником.

Мана молчала, она ожидала, что Собрание состоится через полгода, согласно слухам, однако казалось, что Хокаге был в настроении поскорее свершить правосудие. Хокаге Ховоку знали во всем мире, он был мужчиной средних лет, однако уже успел завоевать доверие целой деревни и всего Совета Конохи, для лидера он был достаточно молод и у него имелись новые революционные идеи касаясь мира на Земле. Он жил по такому принципу, где Страны Ниндзя могли проживать в гармонии и поддерживать порядок. Он не являлся пацифистом до мозга костей, а был достаточно напористым, преисполненным желания наказать любые правонарушения любых пропавших шиноби или шиноби других деревень. Однажды он сам отправился на поиски пропавшего шиноби, что убил генина за границами деревни, поговаривали, что Четвертый Хокаге лично прикончил того пропавшего шиноби. У него было много прозвищ, но одно Мана любила больше всего - Белая Звезда Конохи. Она не знала о его значении, но для каждого, кто слышал его, оно имело свое значение. Для Маны же оно значило именно это - звезда в небе, сверкающий обелиск, на который надо равняться, и мощный источник света и справедливости, испепеляющий любое зло.

По их прибытии на тренировочную базу, мужчина сделал пару шагов назад и поместил руку на рукоять катаны, меч, который Мана никогда не видела, чтобы он обнажал, только носил с собой.

— Нападай на меня, учти, что я буду защищаться и карать безрассудство, - сказал сенсей. Мана не была уверена, что он имел ввиду. Если он скоро собирался уезжать, зачем так отчаянно тренировать ее? Он собирался тренировать ее всю ночь напролет? Почему он выбрал такие легкие тренировочные упражнения, обычно к подобному прибегают, когда у человека есть куча свободного времени. Мана сложила печати, с которыми она была знакома благодаря ее магическим выступлениям, где она использовала ниндзюцу с такой скоростью ее рук, что могла утереть нос любому генину и даже посоперничать с шиноби более высокого ранга. Ловкость рук Маны были преимуществом, когда дело касалось скорости складывания печатей. Только девочка открыла глаза, чтобы взглянуть в глаза сенсея... Его там не было.

Внезапно тело Маны пронзила острая боль, когда она увидела сенсея, стоящего прямо перед ней и успевшего ударить ее кулаком в живот. Фокусница повалилась на пол.

— Было неплохо, ты была в курсе моей превосходной физической и любой другой силы, принимая это во внимание, ты выбрала гэндзюцу, что давало тебе преимущество. Гэндзюцу – идеальное оружие, если ты не можешь сразиться с противником вплотную. Ты знала, что я могу подавлять твое гэндзюцу своей особой печатью, однако ты тренировала свою скорость, которой ты меня удивила, выполняя свою технику, это тоже очень впечатляет. Я хочу, чтобы ты еще больше тренировала ловкость рук, у тебя талант...

Пока девочка отчаянно пыталась встать на ноги, Таншу отпрыгнул назад.

— Тем не менее... Твое гэндзюцу неидеально, все твои техники – это твоё творение, что одновременно и хорошо, и плохо. Ты всегда сможешь удивить противника собственно изобретенным дзюцу, но во второй раз такой номер не пройдет. Проблема заключается в том, что вполне очевидно ты создала эти техники будучи ребенком, читающим книгу о гэндзюцу, они все довольно примитивные: сложить печать, установить зрительный контакт, обмануть противника визуальной иллюзией. Это всего лишь малая доля того, на что способно гэндзюцу, а к нему у тебя талант; даже этого достаточно, чтобы я смог тебе позавидовать. Гэндзюцу может играть с чувством равновесия, с обонянием, слухом, может творить чудеса с телом твоего противника, поэтому открывай для себя что-то новое, перестать заикливаться на одних и тех же техниках, которые ты создала еще ребенком, и сделай новые!

Мана поднялась, ее шляпа лежала на земле, и ее непослушные волосы растрепались, она рванула вперед с ударом:

— Бесполезно... — ответил Таншу, без труда поймав ее.

— Что ты собираешься с этим делать? Ты лажаешь с оружием и тайдзюцу, хватит использовать это! — закричал сенсей, когда увидел руку Маны в сумке с оружием и ударил ее по щеке из-за чего пошла кровь. Девочка обернулась с улыбкой. Очевидно, если Таншу действительно имел в виду то, что сказал, его удар сразил бы Ману насмерть, но он этого не сделал, и теперь он в ее руках!

— Как? — отпрыгнул Таншу назад, иллюзия Маны рассеялась, но сенсею пришлось использовать его фирменную печать, которой он любил хвастаться, но не использовать в деле.

Мана достала руку из сумки, кулак которой был сложен в печать.

— Ты... Наблюдая за Сугеми, научилась складывать печати одной рукой?

Таншу выглядел впечатленным.

— Только те печати, которые я у него подглядела, остальные мне пришлось вычитывать самой... Они немного отличаются от обычных печатей, — ответила Мана, стирая кровь с губы, сумка сенсея прошлась по щеке так, что ударила прямо в зубы, из-за чего шла сильная кровь изо рта. У нее слегка кружилась голова. Таншу рассмеялся:

— Теперь я понимаю, почему тебя прозвали Фокусницей Конохи: на поле битвы ты такая же изобретательная, как и на сцене. Извлекая одну иллюзию из другой, ты создаешь впечатление будто атакуешь меня, что ослабляет мою бдительность и заставляет меня недооценивать тебя, затем ты помещаешь руку в сумку, где складываешь печать, а я смотрю тебе прямо в глаза, потому что никакой иллюзии не ожидаю. Если бы ты сражалась с кем-то, кто не обладает способностями как у меня, ты бы одолела его...

Закончив говорить, сенсей Таншу принял нормальное положение, выйдя из своей боевой стойки, и убрал руку со своего клинка.

— Цель этой тренировки была дать вам троим то, над чем вы будете работать в мое отсутствие, а также что-то, что определило бы ваши боевые стили. Думаю, что мне нравится твоя реализация навыков фокусницы для использования дешевых трюков и игры с разумом противника, чтобы привести свои иллюзии в действие. Однако, я бы посоветовал тебе поработать на теми вещами, на которые я тебе указал. Боюсь, что гендзюцу – это та область, где ты сейчас совсем одна, я очень мало знаю об этом, а в деревне мастеров по этой специальности еще меньше, можешь, конечно, походить поискать... Ну, увидимся как вернусь, Мана, — сказал Таншу и растворился в облаке дыма. Генин вздохнула, у нее кружилась голова и ее рана на щеке все еще кровоточила, а в остальном она чувствовала себя хорошо – впервые кто-то признал ее мастерство ниндзя. Такого еще никогда не было...

Девочку начали недооценивать с самого начала как она начала тренировать ниндзюцу, потому что она не была родом из какого-то фантастического клана, ей говорили, что она неудачница из-за того, что ее путь ниндзя глупый и наивный, над ней смеялись и советовали оставить карьеру шиноби, пока не стало слишком поздно. Даже после выпуска из Академии в ней видели сперва лишь фокусницу и отмечали ее сценические навыки, а те, кто знали, что она была еще и шиноби, рассматривали это в качестве рекламы, словно она знаменитость, выходящая на ринг сразиться с чемпионом в тайдзюцу, которому заплатили, чтобы тот поддавался. Все эти слова повлияли на Ману, они больно били, но не сломили ее, а только заставили ее работать усерднее, потому что она была своего рода больной на голову. Все эти события привели ее к этому моменту – мужчина, которого некоторые называют самым могущественным шиноби в мире, признает ее талант и что она находится на верном пути. Пусть даже она не нанесла ему удар, пусть она еще далека от этого – Мана была счастлива!

Девочка не могла сдержаться и побежала домой с улыбкой на лице и слезами радости. Признание только заставит ее работать еще больше!